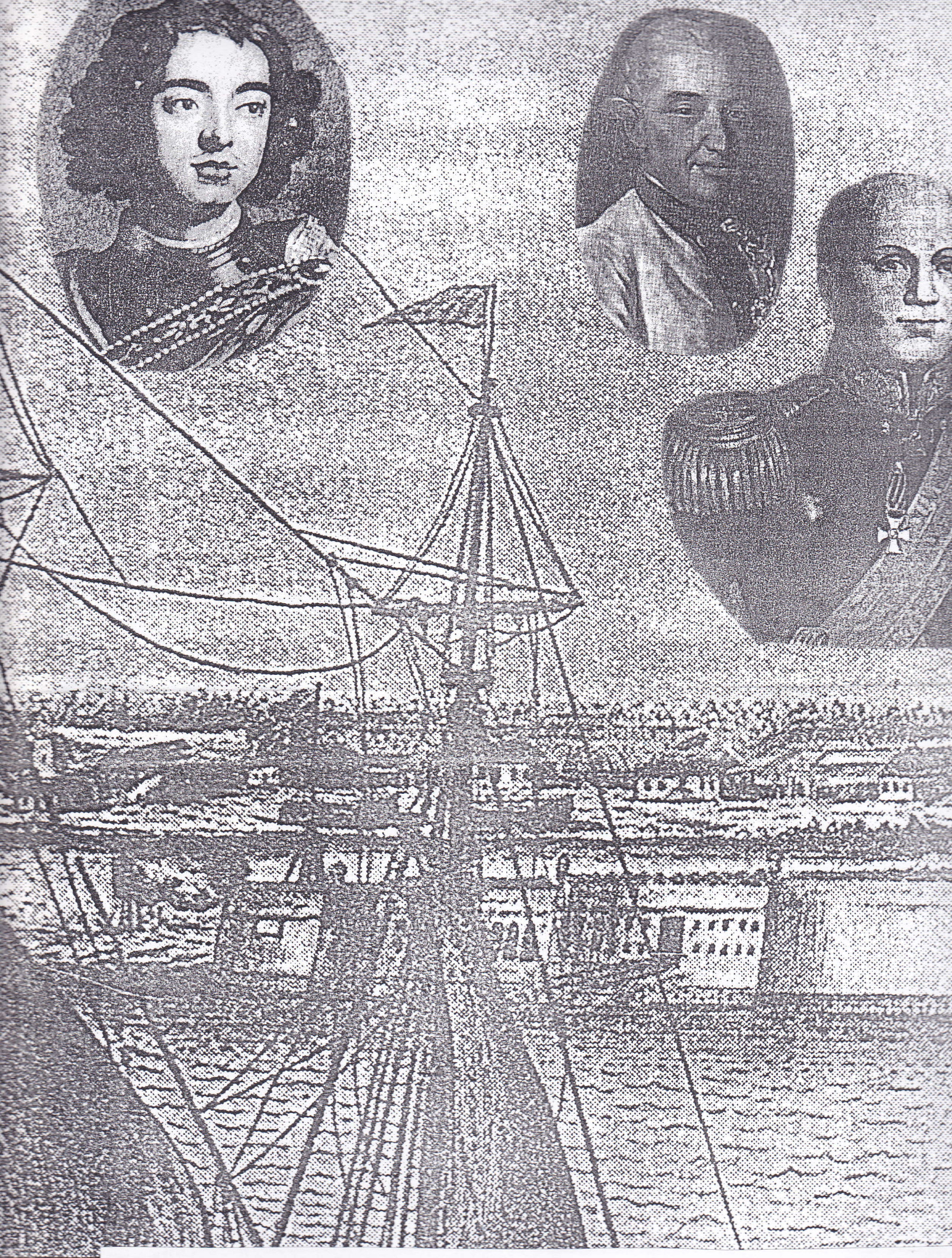
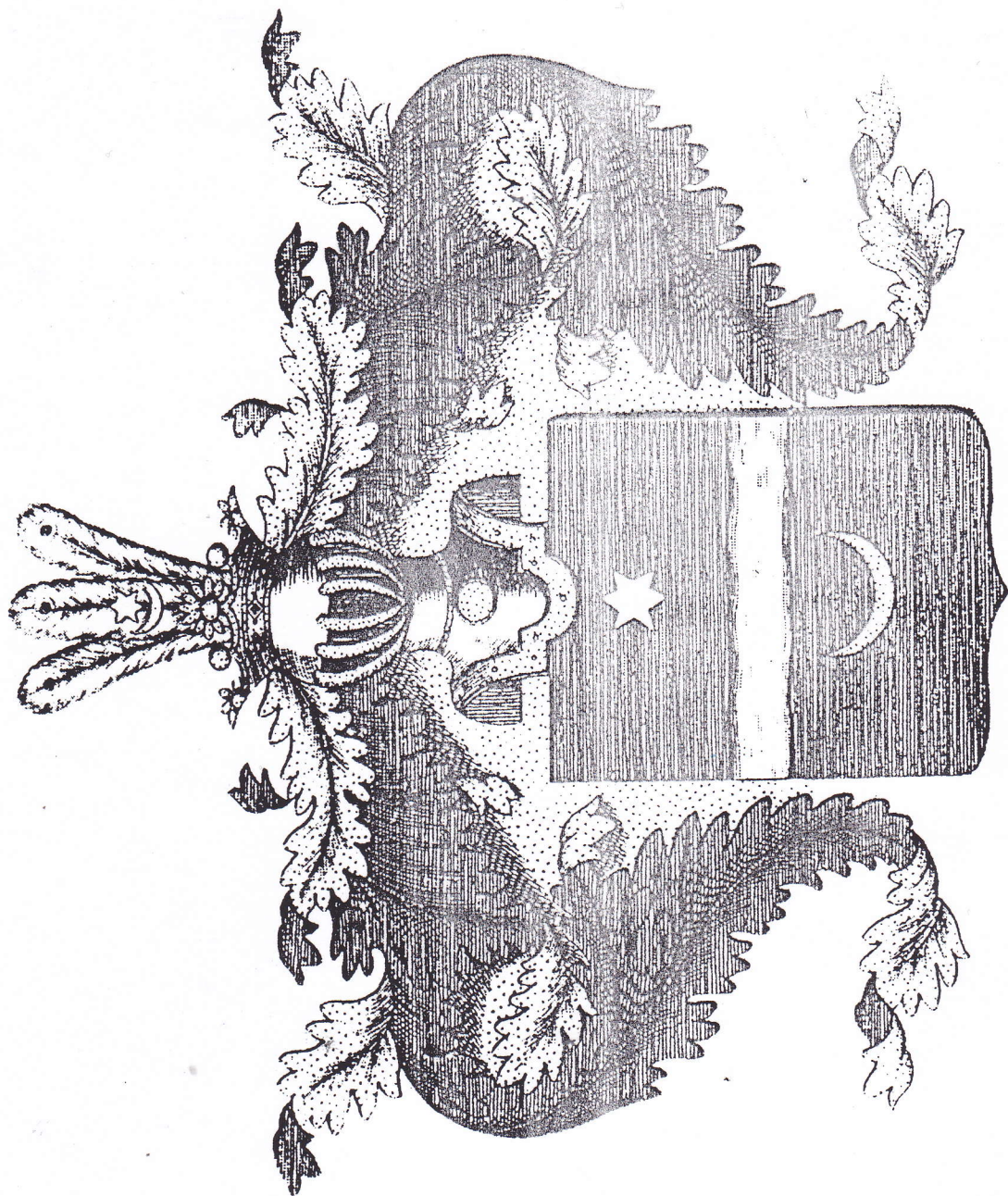

ГЕРБЪ РОДА СЕНЯВИНЫХъ.

Санкт-Петербург 300 лет

Купец был весьма заметной фигурой старого Петербурга. Фамилии некоторых крупных торговцев, чьи заведения были известны всем горожанам, служили привлекательными ориентирами простонародной столичной топографии, а со временем выросли в наименование многих петербургских мест.

Именитые граждане

Так, один из островов в устье Невы назывался Резвым, поскольку с середины XVIII века им владели рыболов-промышленник Терентий Резвый. Переселившись в Петербург из Осташкова, он занялся торговлей, стал постав-

лять был женат на уроженке Петербурга Анне Дмитриевне Кукиной (ум. 1801). Они жили и на своей даче устья Черной реки — мызе на правом берегу Невы, близ Шлиссельбурга. В 1900-х годах на кладбище Успенского собора в Шлиссельбурге еще можно было увидеть надгробия П. Т. и А. Д. Резвых...

Дети Петра Резвого выбились в дворяне. Дочь Анна вышла замуж за графа И. П. Кутайсова — любимца императора Павла I, Татьяна стала супругой помещика Тульской губернии коллежского советника Е. В. Разнатовского. А портрет генерал-майора Дмитрия Резвого помещен в Военной галереи Зимнего дворца. Мызу Резвых

Здесь быть городу!

27 мая 2003 года

Ладога

"Вот предание об основании города. Петр I, осматривая остров, взял у солдата башнет, вырезал два дерна и, положив их крестообразно, связанных верхушками, нечто вроде ворот. Парящий над острвом в это время орел спустился с вышес и сел на этих воротах; ефрейтор Одинцов снял его выстрелом из ружья. Петр очень был рад этому, видя в нем доброе предзнаменование; перевез зал у орла ноги платком, посадил себе на руку и, сев на яхту с орлом в руке, отплыл к Канцам; в этот день все чины были пожалованы столом, веселье продолжалось до двух часов ночи, при пушечной пальбе".

М. И. ПЫЛЯЕВ
На снимках: Биржа. Литография по рисунку И. И. Шарлеманя. 1850-е гг.; портрет Петра I на фоне Петербурга. Миниатюра Г. С. Мусикинского. 1723 г.

Господин директор Ульян Синявин

В 1505 году прибыл в Россию из Польши Алехна Синявин, происходивший из древнейшего дворянского рода Сенява. А в 1697 году его потомки Иван и Ульян отправились обратно в Европу, чтобы обучаться корабельному мастерству и мореплаванию. Осенью 1702 года преобразенцы братья Синявины сражались у стен Нотебурга, а весной 1703 года брали Ниеншанц.

Ульян Акимович Синявин (1670-е — 1740) проявил свои незаурядные способности на верфи в Лодейном Поле, затем был переведен в Петербург, стал оберкомиссаром — главным инспектором строительных работ — Канцелярии городских дел. Дом У. А. Синявина на Городовом острове стоял на набережной Невы и Большой Невки, недалеко от дома Петра I, дальше была изба и его-рой дом, где размещалась Канцелярия,

Сынотва Аким Ивановича Синявина росли вместе с Петром, служили в его "потешных" войсках. Стольник Илларион Акимович Синявин стал воеводой в Сибирь, Иван Акимович — полковником, Борис Акимович — полковником. Прославили российский флот контр-адмирал Иван Акимович Меньшой и вице-адмирал Наум Акимович Синявины. Их братья Ульян и Федор Акимовичи известны как первые строители Петербурга.

Ульяном Акимовичем" и "отцом", просил у него совета в делах. Трезини был частым гостем в доме Синявина и его жены Евдо-

верейки, но больше приходилось по бездорожью скакать верхом — в Петергоф и Ораниенбаум, в Стрельну и Кронштадт. Перестройка Шлиссельбургской крепости также требовала много сил. Еще в 1704 году Синявин, заставшись там олончан. В 1723 году Трезини просил Синявина "наипаче первее исправить шлюзную лас задуманная Петром I реконструкция фортеции. Ульян Акимович тогда же усмотрел, что в Шлиссельбурге "работы отправляются слабо". Весной 1708 года царь Петр с сестрой Натальей Алексеевной "изволили стоять за городом на острове (Фабричный остров. — Ред.) в доме Ульяна Синявина".

Из окрестностей в Петербург под надзором Синявина доставляли доски, камень, известь, глину, кирпич, черепицу, изразцы. На пыльной мельнице на

щиком "разных родов живых и свежих рыб" к императорскому столу. Газета "Санкт-Петербургские ведомости" в 1748 году писала, что "за содержание в Шлиссельбурге и в тамошнем уезде по Ладожскому озеру рыбных ловель и прочего здешний купец Терентей Резвой плантил откупных денег на каждый год за рыбные ловли по 230 рублей по 24 копейки...". Он взял на откуп и конский сбор в Шлиссельбургском уезде.

Его сын Петр Резвой (1729–1779) – подрядчик дворцового ведомства именитый гражданин города Санкт-Петербурга, с 1774 года – бургомистр. В 1761 году он построил двухэтажный дом на Дворцовой набережной, 20, принадлежавший семье Резвых сорок лет. Петр Терен-

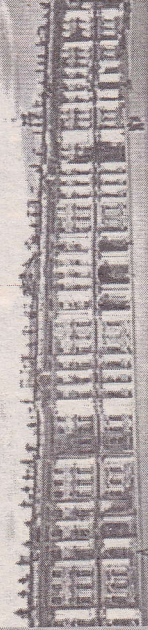

ный советник Николай Петрович Резвой – именитый гражданин петербургский и городской голова.

На снимках: П. Т. и А. Д. Резвые. Портреты середины XVIII в.

Громады стройные дворцов...

Уже в 1753 году начались поставки путиловской плиты для цоколя строящегося Зимнего дворца в Петербурге, для баз и пьедесталов колонн на его фасадах. "Дабы в строении Дворца, за недостатком кирпича, не могло последовать останова", по сенатскому указу в 1757–1758 годах на казенные Невские кирпичные и черепичные заводы "к делу кирпича и заготовлению глины" поочередно посылали из Шлиссельбургского уезда "разночинец". Это были жившие в Шлиссельбурге, по Ладожскому каналу и в Навиш пришедшие дворцовые, монастырские, помещичьи крестьяне из разных мест России, бурлаки, "прочих чинов и наций люди" – более 400 человек. Около 1000 ярославских и костромских мастеровых-кваторов летом 1760 года штукатурили фасады Зимнего дворца, занимались лепкой части скульптурного декора на стенах. К этим работам были также привлечены "знающие квадратную работу" каменщики из села Путилово.

Зимний дворец.
Архитектор Б. Ф. Растрелли.
1754–1762 гг.

несением караула и надзором за работниками людьми. Казармы батальона находились на Выборгской стороне, где и теперь о "сплободу Синявина батальона" напоминает Батальонный переулок, а вот пристань Синявина и Синявинский перевоз давно исчезли...

Умный и энергичный Синявин Канцелярией "ведаль и дела отправлял с 703-го году". Деньги из губерний, рабочие мастера в его распоряжении, а он заранее готовил для них становища, проекты и инструменты, рассчитывал по срокам доставку материалов. В Канцелярии заключали договоры с подрядчиками, выполняли новые архитектурные проекты. Синявин, вероятно, являлся инициатором многих строительных указов. Государь Петр Алексеевич, бывая в Петербурге, давал обер-комиссару устные повеления, но и в письмах они обсуждали строительные вопросы.

Дела шли своим чередом до 1714 года, пока Синявина вместе с А. Д. Меншиковым, Ф. М. Апраксиным, Г. И. Головкиным и А. В. Кикиным не уличили в подрадах на поставку провианта по завышенным ценам. Он должен был внести в казну полученную прибыль и деньги, потраченные на покупку харей и муки. А обер-комиссаром Канцелярии стал князь А. М. Черкасский, которому подчинялся Синявин.

С 1720-го и до 1735 года вновь Ульян Синявин занимал пост обер-комиссара и "директора над строениями". Его помощником был брат, комиссар Канцелярии Федор Акимович – дед адмирала Д. Н. Сенявина. Около трех десятков лет генерал-майор Синявин работал в Канцелярии вместе с архитектором Доменико Трезини, который называл его "превосходительным господином директором

Васильевского острова, 4 (перестроен). В 1729 году У. А. Синявин был обвинен в издержке казенных материалов, истраченных на строительство дворца генерал-губернатора А. Д. Меншикова, начальство-

и шальдихинских плитных ломках бывал не только Синявин, но и Петр. Кирпичные заводы на Неве и Тосне тоже состояли в ведении Синявина. Известно, что в августе 1708 года в сражении со шведами у реки Тосны участвовал Наум Синявин, а Ульян собирал на подмогу рабочих людей и карательных солдат на тосненских заводах. А еще Синявин, как сообщала газета "Ведомости", "открыл около Шлиссельбурга камень, напоминающий морской" – известняк с берегов Лавы. К 1727 году у Синявина на реке Лаве имелаась "большая мельница, в которой пилатца и каменная полируют".

Когда-то в Шлиссельбургском уезде было село Синявино (Вагриселка), названное по фамилии племянников Ульяна Акимовича, Алексея и Сергея Синявиных, которым в 1740-е годы пожаловали земли в этих местах (в 1719 г. земли у Путилово получил майор Преображенского полка Синявин). В 1920-е годы название села перешло к рабочим поселкам торфопредприятия "Синявино", из которых после войны уцелели Синявино I и II. Само же старинное село, стоявшее на Синявинской горе, было уничтожено. В 1950 году в честь советских воинов, сражавшихся у Синявино, улица в Ленинграде, на Большой Охте, была названа Синявинской...

вашего и над Канцелярией городских дел. Долг светлейшего – почти 1200 рублей – хотели взыскать с Синявина. Тогда он обратился с прошением к Петру II, жалуюсь, что "я... и без такого вычета от бывшего в С.-Петербурге пожара пришел в конечное разорение и одолжал, понеже двор мой на С.-Петербургском острове потерел с пожитками без остатка, также и деревнишка моя в Новгородском уезде на р. Луге, в которой было крестьянских 22 двора, и с помещицким двором, и с хлебом моим сторела же без остатка... Государь, прошу... не вели выписать денег из жалованья вычитать". Чужой долг Синявину был прощен.

Господин директор, отдав распоряжения в Канцелярии, спешил в Петропавловскую крепость, к зданию Двенадцати коллегий и на места других петербургских строений. Ему Трезини "для езды по строениям" были предоставлены по два буера, шлюпки и

На снимках: 1. Здание Двенадцати коллегий. Архитектор Д. Трезини. 1722–1742 гг.; 2. Санкт-Петербург. Гравюра А. Ф. Зубова. 1727 г.

Благодарим К. Н. Сенявина и Кировскую центральную районную библиотеку за предоставленные для публикации материалы о Синявинных.

Наша газета

Вестник МО Свияжское г.п.

Выпуск 6-й (18-19) июня
-июль 2008г.

Сенявы, выехавшего из Польши в Россию в начале XVI века.

СЕНЯВИНЫ – РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ МОРЯКИ И ФЛОТОВОДЦЫ

Лев Григорьевич Сенявин убит в 1656 под Смоленском;

Дмитрий Иванович Сенявин убит в 1671 Стенькой Разиным;

Ларион Акимович Сенявин был воеводой в Нарыме (1695) и Кузнецке (1700),

Ульян Акимович Сенявин (умер в 1740) – директор над строениями при Петре Великом;

Иван меньшой Акимович (умер в 1726) – один из первых русских деятелей Петровского флота, контр-адмирал (1725). Рядовым Преображенского полка участвовал в строительстве и маневрах Потешной флотилии, затем (с 1697) обучался морскому делу в Голландии и служил волонтером на голландском флоте. Участвовал в строительстве кораблей на Сясьской и Лодейнопольской верфях, выполнял специальные поручения Петра I по доставке судов Кронштадт. В 1715 руководил перегонном трех построенных кораблей из Архангельска на Балтийское море.

С 1723 – директор Адмиралтейской конторы, с 1725 – возглавлял Астраханское адмиралтейство.

Наум Акимович (умер в 1738) – вице-адмирал, первый русский по происхождению флагман Петровского флота. Начал службу солдатом Преображенского полка, участвовал в Керченском походе (1699), взятии Шлиссельбурга, Ниеншанца, Нарвы (1702-1704), оборо-

не Петербурга (1708), Прутском походе (1711), выполнял личные распоряжения Петра I. В 1713 перевел из Копенгагена в Ревель линейный корабль “Рэндольф”, в 1715-1716 – из Англии линейный корабль “Стратфорд”. В бою у острова Эзель 24 мая 1719 захватил шведский отряд из трех судов, что было первой победой русского корабельного флота. В 1728-1732 – главный командир над галерным флотом. В войну с Турцией 1736-1739 руководил строительством кораблей для Днепровской флотилии. Умер от чумы.

Алексей Наумович (1716–1797) – адмирал (1775). Сын вице-адмирала Н. А. Сенявина. На флоте с 1734 в чине мичмана. Участник русско-турецкой войны 1739-1739 в составе Днепровской флотилии. На Балтийском флоте с 1739. В Семилетнюю войну (1756-1763) командовал ли-

нейным кораблем при блокаде Кольберга (Колобжега). В 1762-1766 в отставке. С 1766 – генерал-казначей при Адмиралтейств-коллегии. С 1768 командовал Кронштадтской эскадрой. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 командовал Донской флотилией, содействуя русским войскам в овладении крепостями Керчь и Еникале и обороняя Крымское побережье и Керченский пролив. Участвовал в создании Черноморского флота. С 1794 – член Адмиралтейств-коллегии.

Николай Иванович Сенявин был главным командиром Кронштадтского порта (1773-1775).

Дмитрий Николаевич Сенявин (1763-1831) – адмирал (1826), генерал-адъютант (1825), сенатор (1826). Окончил Морской корпус (1780). Участвовал в русско-турецких войнах (17817-1791 и 1798-1800) в эскадре адмирала Ф. Ф. Ушакова. С 1805 командовал эскадрой, отправленной на Балтийское и Средиземное море во время русско-французской и (1804-1807) русско-турецкой (1806-1812) войн. Успешно оборонял Ионические острова и действовал против французов у побережья Далмации и Черногории, в 1807 дважды разбил турецкий флот и установил тесную блокаду Дарданелл (что стало одним из поводов мятежа в Стамбуле и свержения султана Селима III). После начавшейся войны с Англией в 1808 Дмитрий Николаевич Сенявин с эскадрой был заблокирован в Лиссабоне и вынужден был заключить конвенцию (почетную капитуляцию), по которой корабли передавались “на сохранение” англичанам, а личный состав отпускался в Россию. Уволенный в 1813 Д. Н. Сенявин снова принят на службу в 1825. В 1827-1830 командовал Балтийской эскадрой, посланной в Англию. Участвовал в суде над декабристами. Оставил содержательные автобиографические записки. Как и его предшественник Ф. Ф. Ушаков и Г. Нельсон Д. Н. Сенявин перешел от линейной тактики к ударной, сосредотачивая силы против наиболее важных объектов в боевом порядке противника (флагманские корабли, голова колонны). Д. Н. Сенявин был чрезвычайно популярен среди современников: в его честь названы острова в Тихом океане в архипелаге Каролинских островов, мысы в заливе Бристоль Берингова моря и на юго-востоке острова Сахалин, полуостров на Камчатке и военное судно – шлюп “С”. Позднее имя Д. Н. Сенявина носили броненосец береговой обороны (1895) и крейсер советского Военно-Морского флота.

По материалам интернета.

О первом русском вице-адмирале Науме Акимовиче Синявине мы уже рассказывали ("Л", 1996, 25 июня). Его именем был назван шлюп, на котором русский мореплаватель и географ Ф. П. Литке совершил кругосветное путешествие. В Каролинском архипелаге Литке встретил остров, который не значился на карте мира. Этот остров и другие мелкие острова вокруг него он назвал островами Синявина. По преданию, Петр I пожаловал Н. А. Синявину земли близ Петербурга, в том числе и древнее поселение Вагриселка, которое с тех пор стали называть по имени владельца.

Династия Синявиных (Синявиных) — это славная династия русских морских офицеров, служивших Отечеству полтора столетия. Но сегодня речь пойдет только об одном из них — Алексее Наумовиче Синявине. Он родился 5 октября 1722 года от брака Н. А. Синявина с Н. Ф. Языковой. Алексей с детства мечтал о флотской службе, а отец часто брал его с братом Сергеем в морские походы. В сентябре 1734 года оба брата были зачислены на флот мичманами, не имея гардемаринского стажа.

Первое боевое крещение А. Н. Синявин получил в русско-турецкой войне 1735–1739 годов на кораблях Днепровской флотилии, с 1739 года он служил на Балтийском флоте. И хорошо служил, потому что получил за это звание Шлиссельбургского уезде. В Библиотеке Российской академии наук хранится карта 1749 года "с показанием владельческих мыз и деревень, пожалованными имянными ея императорского величества указанными и розданных под поселение российских крестьян". На карте отмечено, что Алексее Синявину пожалована пустошь Лавуна, а Сергею Синявину земли в деревне Порецкой. Вот так от братьев Синявиных и пошло название Синявиной.

Когда в 1756 году началась Семилетняя война с Пруссией, А. Н. Синявин командовал линейным кораблем "Иоанн Златоуст", участвовавшим в блокаде и взятии Кольберга. В 1762 году капитан 1-го ранга Синявин выходит по болезни в отставку, но в 1766 году возвращается на службу. Теперь уже генерал-казначей при Адмиралтейств-коллегии, а с мая 1768 года командующий Кронштадтской эскадрой.

В ноябре 1768 года началась вторая

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

берегов Черного и Азовского морей.

Вообще, рескрипты и указы Екатерины II к А. Н. Синявину читать чрезвычайно интересно (они опубликованы в журнале "Русский архив" за 1871 г.). Государыня хорошо разбиралась в людях и умела ценить их деловые качества. И это в полной мере сказывается на ее отношении к Синявину: "Алексей Наумович, из письма вашего... усмотрела я, что все ваше дело идет, сколько по обстоятельствам можно, поспешно, за что тебе Бог даст здоровья. Мне же и твои другие удовольствия принеся. Здешние известия гласят, что корабль 94-х пушечный спущенный на воду и окрещен Святослав, даст Божье вам с ним увидаться в радости. Впрочем г-н (сие не есть ошибка, указ подписан) вице-адмирал, остаюсь к вам доброжелательна", — так Екатерина сообщила Синявину о повышении его в чине. А когда у Синявина сгорел дом, Екатерина пишет: "О своем

сих обывателей тем, кои приговорены и посылаемым от меня были для разведывания с противной стороны обстоятельства, каковыми через год и одиннадцать месяцев употребленными вся вышеозначенная сумма пятнадцать тысяч рублей издержана в расход.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб Алексей Синявин"

После заключения мира с турками, в январе 1775 года Екатерина повелевает Синявину приехать в Москву для "объяснений" о состоянии Азовской флотилии. В день празднования побед русского оружия в войне с Турцией в июне 1775 года А. Н. Синявин был пожалован в адмиралы, и возложена на него задача строительства кораблей Черноморского флота. Осенью 1775 года Синявин прибывает на устье Днепра, где под его руководством начинается строительство порта Херсон и закладка верфей...

Но давали себя знать старые раны и изнуряющая малярия: в 1788 году Синявин уходит в отставку по болезни и уезжает в Петербург. В 1794 году адмирала назначают членом Адмиралтейств-коллегии, он проводит исследования в разных областях морского дела, особенно кораблестроения. В сентябре 1794 года Синявин был награжден орденом св. апостола Андрея Первозванного, а через год — св. Владимира 1-й степени "за речение в должности и ревностные труды по управлению дел Морского нашего Департамента, особливо по разным вооружениям флотов наших".

Алексей Наумович был женат на Аанне-Елизавете фон Бракке (1733–1776), род которой идет от швед-

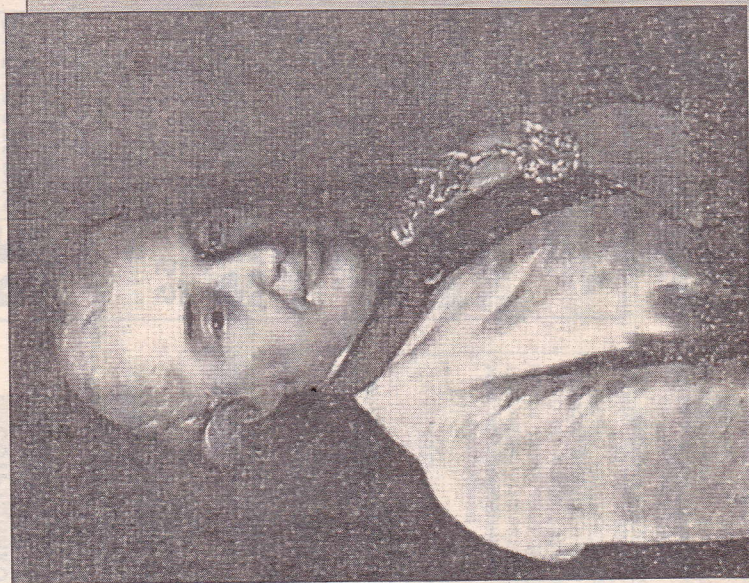
тантом графа М. С. Воронцова, своего двоюродного брата. Был знаком с А. С. Пушкиным. "Славнейший малый, мой приятель", — писал о нем поэт. И. Г. Сенявин был членом Кабинета его величества, товарищем министра внутренних дел, сенатором и тайным советником.

Адмирал А. Н. Синявин скончался 11 августа 1797 года и был погребен на Лазаревском кладбище Александрино-Невской лавры (в 1870-е гг. прах и памятник перенесены на Тихвинское кладбище лавры). На гранитном надгробии можно прочесть слова: "Всей жизни его временной было 74 года, 10 месяцев, 6 дней, а службе Российским государям и Отечеству в офицерских чинах 62 года, 11 месяцев, 5 дней". Далее эпитафия гласит:

Здесь, под камнем сим лежит
прославленный адмирал,
Кой лести не любил,
коварство презирал,
Сенявин доблестен,
вождь мудрый, милосердный,
Оставивший к себе почтеньем
храм бессмертный,
Друг человечества,
друг верный правоты.
Прохожий, помолись об нем
творцу и ты!

В середине XIX века в Синявино (Вагриселка) был уже другой помещик — А. М. Дубянский, а в начале 1900-х годов 200 десятин в этом селе принадлежали А. П. фон Бракке. Шло время, менялись владельцы земель, но неизменным оставалось название Синявино.

Это старинное село на Синявиной горе было уничтожено в годы войны. Название его еще в 1920-е годы

А. Н. СИНЯВИН.
Портрет Ф. С. Рокотова. 1770-е гг.

рая русско-турецкая война, целью которой было завоевание выхода к берегам Азовского и Черного морей. Для поддержки боевых операций русской армии было необходимо создать на юге флот, что и возлагает на контр-адмирала А. Н. Синявина. Ему предстояло построить на старых петровских верфях по реке Дону гребно-парусные суда нового типа. В том, что Алексей Наумович справится с такой сложной задачей, Адмиралтейств-коллегия не сомневалась, ведь еще граф Б. Х. Минин говорил, что "на Синявина крепкую надежду иметь можно, что порученное ему дело исправит". Вместе с адмиралом Г. А. Спиридовым вице-адмирал (с 1769 г.) А. Н. Синявин разрабатывает конструкцию судов, которые имели достаточные размеры и сильное вооружение при небольшой осадке и могли действовать не только в открытом море, но и в прибрежных мелководных районах.

На возобновивших свою деятельность верфях кипела работа по строительству кораблей, в том числе фрегатов. Спущенные со стапелей суда по речным фарватерам выводились в Азовское море. И уже в июне 1769 года пять первых русских кораблей, построенных на Дону, подошли к крепостям Азова и Таганрога, которыми в начале года овладела русская армия, чтобы прикрыть их с моря.

Большое значение придавал Синявин гидрографическим работам, без которых успешные действия флота на мелководных и сложных фарватерах были бы невозможны. В итоге, за короткий срок было создано 50 различных карт и планов. Синявин разрабатывал и новые тактические приемы морского боя. Он требовал от командиров хорошо изучать районы боевых действий, особенно глубины, а также рекомендовал заманивать тяжелые турецкие корабли на мелководье, где небольшие русские суда получали преимущество в маневрировании.

Новая Азовская флотилия в мае 1771 года в составе 16-ти пушечного корабля, девяти двухмачтовых 16-ти и 14-ти пушечных "новоизобретенных кораблей", пяти 20-ти пушечных парусов, двух бомбардирских кораблей, дубель шлюпки и парусного бота сосре-

и были вытеснены русскими из Азовского моря.

Фельдмаршал П. А. Румянцева-Торопкина А. Н. Синявина: "Операции вашей флотилии весьма бы споспешествовали военным действиям нашим, если вы пройдете со своими судами в Черном море и отрезаете всю помощь к крепостям неприятельским, что лежат на берегах морских в Крыме". Для действий на Черном море Синявин усилил флотилию, усовершенствовал корабли.

В июне 1773 года вблизи Балаклавы произошла встреча двух русских судов, вооруженных 32 пушками, с четырьмя турецкими фрегатами, вооруженными 180 орудиями. Жестокий бой длился 6 часов и закончился отступлением турок. Одно за другим следуют сражения, в которых русские неизменно уничтожают турецкие корабли или обращают их в бегство. В 1774 году Синявин с флотилией отражает нападение турецкого флота у Керченского пролива и, несмотря на неравенство сил, принуждает неприятеля отступить. Успешными действиями Азовской флотилии России были возвращены Азов и Таганрог, Керчь и Еникале. Победа русского флота под командованием А. Н. Синявина была закреплена в условиях Кючук-Кайнарджийского мира.

Заслуги Синявина отметила императрица Екатерина II. В одном из ее рескриптов Синявину есть такие слова: "...имеем Мы изъяснить вам Монаршее Наше благоволение за ревность вашу в исправлении порученных вам от Нас дел и пребудем всею Нашею Императорскою милостию к вам благожелательны". Еще в 1769 году А. Н. Синявину был пожалован орден св. Анны, в 1771 году — орден св. Александра Невского, а в 1774 году одно из писем Синявину Екатерина заканчивает так: "Алексея Наумович, знаешь ли, жалюемые на себя возложите". Государыня обращается к "Нашему вице-адмиралу Синявину" с просьбой сообщить обо всем, что у него происходит и не "чиняться ли ему какие препятствия", дает ему разные поручения по подготовке морской экспедиции для завоевания Азова, посылает чертежи

"Первое сражение русского корабельного флота под командой Н. А. Синявина около острова Эзель со шведским флотом".

Картина А. П. Боголюбова. 1866 г.

сгоревшем доме не тужи. Я приказала его поставить в прежнем состоянии".

Вице-адмирал регулярно отчитывается перед императрицей о расходах: "И во исполнение того Высочайшего Вашего Императорского повеления, я принять означенную сумму денег 15 тысяч рублей и по вверенной мне экспедиции употребил как на прогоны курьерам, на покупку нужного для обрабатывающих вверенной мне флотилии слуг и жителей и подкрепление их при переездах и необыкновенных им воздушных здоровья, и ради больных пищи, и посыльным от меня в возможные места описателей берегов Азовского и Черного морей и на Крымском полуострове лесов, также на подарки из крым-

ского полковника, коменданта в Любеке во времена Карла XII. Сын Григорий (1767—1831) был капитаном командиром, служил и в английском флоте. По разному сложилась судьба дочерей Анны (1768—1820) и Анастасии, вышедшей замуж за В. И. Нелидова. Крайне савицы дочери Екатерина и Мария, воспитанницы Смольного монастыря, были фрейлинами императрицы. Екатерина Синявина стала женой графа С. Р. Воронцова ("Л", 2000, 7 марта), а Мария (1722—1822) — супругой А. Л. Нарышкина. Алексей Наумович покровительствовал и своему родственнику адмиралу Д. Н. Сенявину. Внук Алексея Наумовича, Иван Григорьевич (1801—1851), служил в Одессе адъю-

Лариса ГРИГОРЬЕВА,
учитель Молодцовского
Центра образования

Лики истории

КУТАЙСОВА Пасковья Петровна (1775/80 - 1870). Дочь светлейшего князя П. В. Лопухина и П. И. Левшиной, младшая сестра А. П. Гагариной, известной фаворитки Павла I. Государь пожаловал ее во фрейлины и выдал замуж за графа П. И. Кутайсова ("Л", 1999, 31 июля). Свадьба состоялась при дворе в мае 1800 года. Кавалерственная дама ордена св. Екатерины.

В Шлиссельбургском уезде П. П. Кутайсовой принадлежали купленные у кавалергарда Букина деревни Воскресенская и Рождественская на р. Тосне, земли у села Ивановского на Неве.

1220га - 2001. - 30 янв.

АДМИРАЛ СИНЯВИН

Сенявины (Синявины) — известнейшая в отечественной истории морская семья, членам которой принадлежали в давние времена земли в наших краях. В 1723 году именным императорским указом были «розданы под поселение российских крестьян» земли: Алексею Сенявину была дана пустошь Лавуяна, морского флота лейтенанту Сергею Сенявину — земли в деревне Порецкой. В XVIII столетии владели землями в Шлиссельбургском уезде вице-адмирал Н. Я. Сенявин и его сын адмирал А. Н. Сенявин.

Славное имя флотоводцев Сенявиных сохранялось в памяти поколений в названии деревни Синявино (Вагриселка) Шлиссельбургского уезда. Живет оно и ныне — в названии Синявинских высот и современного поселка Синявино.

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Алексей Наумович Сенявин (1722—1797), сын сподвижника Петра Великого вице-адмирала Наума Якимовича от брака его с Ненилой Федоровной Языковой, родился 5 октября 1722 г. Двенадцати лет от роду начал он службу во флоте, за заслуги отца прямо с чина мичмана. Прослужив с 1734 по 1762 гг., Сенявин вышел в отставку в чине капитана 1-го ранга. В 1766 г. он вновь поступил на службу и был назначен генерал-казначеем, но через 2 года вернулся на морскую службу.

Переименованный в контр-адмиралы, Сенявин получил поручение строить на старых Петровских верфях на Дону суда, которые могли бы пройти в Азовское и Черное моря. «Новоизобретенные корабли», или, по выражению Екатерины II, «нововыдумленные суда», отвечающие условиям плавания на мелководных местах и боевым требованиям, были готовы в 1771 г. и помогли овладеть Крымом. В 1773 г. А. Н. Сенявин со своей флотилией успешно действовал на Черном море, а в 1774 г. отразил у Керченского пролива нападение турецкого флота и, несмотря на неравенство сил, принудил его отступить.

Вице-адмирал с 1769 г. и адмирал с 1775 г., он в 1788 г. вышел в отставку по болезни, но в 1794 г. был назначен членом Адмиралтейств-коллегии. 30 ноября

1794 г. он получил орден св. Андрея, а 22 сентября 1795 г. — Владимира 1-й ст. за «ревностные труды по управлению дел Морского департамента, особливо же по разным вооружениям флотов».

От брака с Анной-Елизаветой фон Брауде (1733—1776), он имел одного сына Григория (флота капитан-командор; 1767—1831) и четырех дочерей: Анну (1768—1820), Екатерину (ум. В 1784; в замужестве за графом Семеном Романовичем Воронцовым), Анастасию (за Василием Ивановичем Нелидовым) и Марию (1772—1822; за Александром Львовичем Нарышкиным).

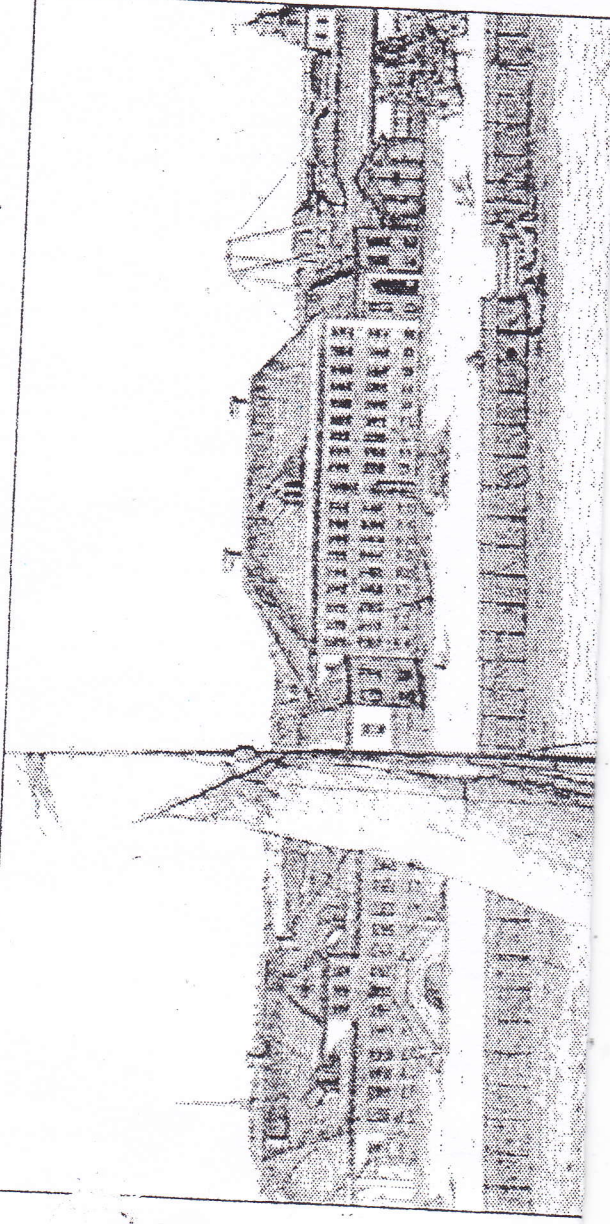
А. Н. Сенявин скончался 11 августа 1797 г. и был погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

На снимке: Ф. С. Рокотов. Портрет А. Н. Сенявина.

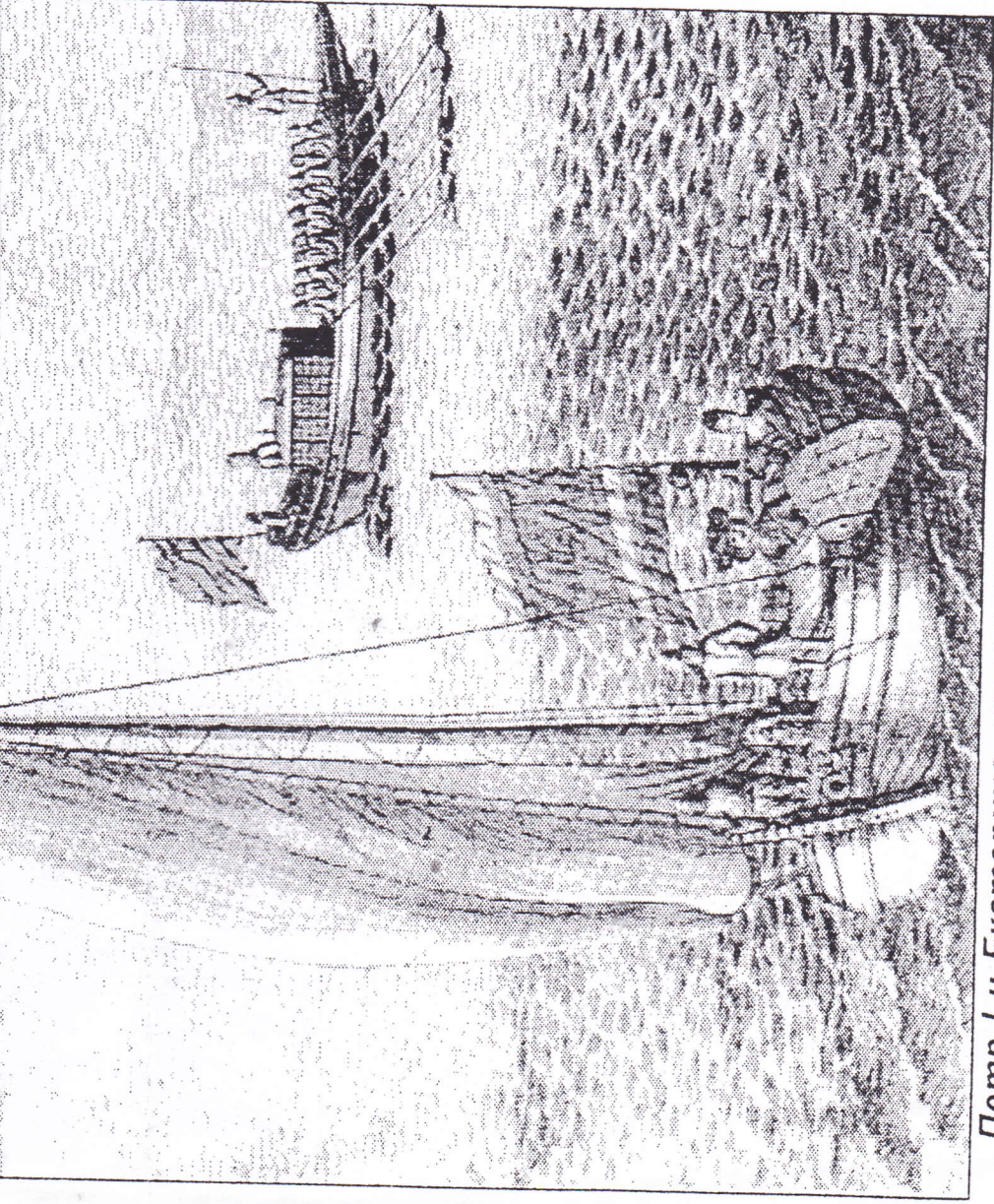
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

"ИВАН СИНЯВИН К НАМ ПРИЕХАЛИ"

Одним из ведущих строителей и флагманов петровского флота был Иван Акимович Синявин (1670-е – 1726). Он принадлежал к знаменитой морской династии Синявиных (Сенявиных), жизнь которых была связана с нашим краем.

Рядовым Преображенского полка Иван Синявин-меньшой участвовал в маневрах потешной флотилии Петра I и в строительстве судов для нее. Корабельному мастерству и мореплаванию он обучался вместе с братом Ульяном в 1697 году в Голландии, после чего несколько лет состоял волонтером на голландских кораблях. Вместе с братьями штурмовал Нотебурги Ниеншанц, а потом строил корабли Балтийского флота, будучи боцманом на Сяской верфи, с 1703 года – на верфи в Лодейном Поле.

Петр I и Екатерина, катающиеся в шняве по Неве. Фрагмент "Панорамы Петербурга" А. Ф. Зубова. 1716 г.

Ладогога 26.07.03г

О внимании Петра I к Ивану Акимовичу свидетельствует запись в походном журнале царя, сообщаящая 20 июня 1703 года о петербургском событии: "Иван Сиявин к нам приехали". С 1707 года в чине поручика И. А. Сиявин выполнял важные задания государя по доставке в Кроншлот судов, построенных на Лодейнопольской, Лужской, Нарвской и Новоладожской верфях. С 1712 года он командовал шнявой "Лизет".

В 1715 году Сиявин возглавил перегон из Архангельска вокруг Скандинавии новых кораблей - "Уриил", "Селафаил" и "Варахаил", попавших по пути в шторм; руководил их ремонтом в Дании.

В капитан-командоры И. А. Сиявин был произведен в 1721 году, а через два года назначен директором Адмиралтейской конторы. С конца 1725 года шутбенхт (контр-адмирал) И. А. Сиявин руководил работой Астраханского адмиралтейства и морскими силами Астрахани.

Кирилл СЕНЯВИН:

"Я - ЧЕЛОВЕК МАЛОИНТЕРЕСНЫЙ..."

- Обо мне и писать-то нечего, - так сказал нам Кирилл Николаевич Сенявин, побывавший недавно в редакции "Ладоги". И все же мы решили написать и о нем, и о славном роде Сенявиных, имя которых носят поселки Синявино и Синявинские высоты.

Кирилл Николаевич увлеченно рассказывал нам о своих предках. Оказывается, Сенявины - польский шляхетский род герба Сенява. С 1505 года, после присоединения к Московии Смоленска и других земель Речи Посполитой, они перешли на русскую службу, за что им были оставлены все поместья.

- А вот в Петербурге Сенявины живут почти 300 лет! - продолжает наш гость. Причем, как объяснил Кирилл Николаевич, в XVIII веке они писали свою фамилию через "и" - Синявины, а после составления при Павле I Общего Гербовника Дворянских родов Российской Империи, было принято написание через "е" - Сенявины (для XVIII века оба варианта можно считать правильными).

О Сенявиных Кирилл Николаевич, кажется, знает почти все: он много лет работал в архивах, по крупицам собирая сведения. Нашим читателям уже известен Наум Акимович Сенявин, вице-адмирал, "пленец гнезда Петрова", сражавшийся и на невских берегах ("Л", 1996, 25 июня). Его брат Ульян Акимович учился в Европе корабельному делу, заведывал верфями в Лодейном Поле, возглавлял Канцелярию городских дел. А также Ульян Сенявин участвовал в октябре 1702 года в штурме Нотебурга, потом руководил строительными работами в Шлиссельбургской крепости и на посаде, под его надзором состояли мельницы на реках Нази и Лаве, Невские и Тосненские кирпичные и черепичные заводы. В доме Ульяна Сенявина "на острове" в Шлиссельбурге любил останавливаться Петр I.

Илларион Акимович Сенявин - воевода в Сибири. Во время Северной войны Петр часто писал ему, прося прислать необходимые припасы для армии. Были еще два брата - Иван Акимович Большой и Иван Акимович Меньшой. Брат Федор Акимович, комиссар Канцелярии городских дел, помогал Ульяну. Федор Сенявин - дед знаменитого адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, участника русско-турецкой войны, Средиземноморского похода.

Адмиралом флота был и сын Наума Акимовича, Алексей Наумович. Известен и Сергей Сергеевич Сенявин - участник обороны Севастополя...

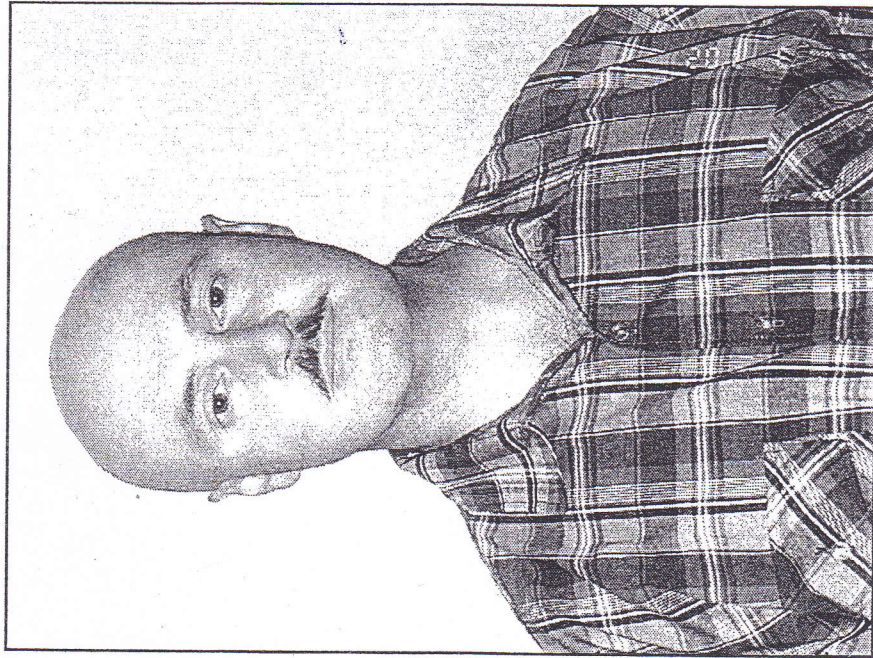
По словам Кирилла Николаевича, Сенявины жили всегда широко, не по средствам. Так долг адмирала Д. Н. Сенявина составлял 10000 рублей. Платить ему было нечем, и Николай I долг Сенявину простил. Потомки же знаменитых флотоводцев жили скромно, чинов высоких не имели, а все больше служили в Министерстве юстиции, были прокурорами. После 1917 года все они эмигрировали из России. Поэтому сегодня Кирилл Николаевич и его отец - единственные представители в России ветви рода, идущей от адмирала Д. Н. Сенявина.

Мы не могли не поинтересоваться: а чем занимается последний потомок прославленных адмиралов? Моряком он не стал. Снимал научно-популярные, документальные фильмы, снимался в киносам. Полгода учился в Баден-Бадене организации малого бизнеса в строительстве. Это, считает, в нем "сработали гены" Ульяна Сенявина - строителя Петербурга.

Есть у Кирилла Николаевича заветная мечта: открыть музей в имении Наума Сенявина Конь-Колодезь, что на границе Воронежской и Липецкой областей. Имени это было подарено Науму еще Петром I. Там уцелел дом-дворец, построенный по проекту знаменитого зодчего И. К. Коробова и не уступающий Меншиковскому дворцу в Петербурге. В этом сенявинском доме хотели открыть филиал Центрального военно-морского музея. Хотели, но не получилось.

А еще Кирилл Николаевич намерен сделать все для того, чтобы о Сенявиных и их славных делах помнили в наших краях: на Неве и на Тосне, в Синявино и Шлиссельбурге. А Сенявины слово свое всегда твердо держали.

На снимке: К. Н. Сенявин в редакции "Ладоги".

Родина

7-8' 1996г.

Рос. фронт.
Семейн

Однако дело не только в этом. Зачастую историки слишком легко оперируют поверхностными социологическими схемами, сводящими все к капризному «мановению руки» всемогущих государей. Петровский флот отнюдь не был таким, как мы привыкли его представлять. Его морякам и строителям не хватало опыта. В Кронштадте только разворачивалось строительство главной его военно-морской базы, продолжавшееся, а отнюдь не заброшенное наследниками Петра (планировали даже облицовку камнем простой деревянной кронштадтской гавани, но, как всегда, не хватило средств). Была слаба ремонтная база флота, тоже создававшаяся уже после смерти Петра в Кронштадте, и корабли приходилось для починки проводить на понтонах (камелях) по мелководьям в петербургское Адмиралтейство; для крупных судов это была сложная и дорогостоящая операция. Балтийское море, не промеренное и толком не картографированное (первая переводная голландская лоция под названием «Зеефакел» была издана по инициативе будущего соратника Артемия Волинского Ф. И. Соимонова только в 1733 году, а карты к ней в достаточном количестве — в 1738-м), представляло немалую опасность, прежде всего для маломаневренных и глубоко сидящих в воде многопалубных 80—90-пушечных кораблей. Перед только что созданным флотом стояла масса проблем материального и технического свойства. Постепенно накапливаясь, к началу 1730-х годов они проявили себя достаточно ярко.

Кое-кто в правительственных кругах стремился просто стряхнуть с себя их бремя. 23 августа 1731 года французский дипломат Маньян доносил своему правительству, что фельдмаршал Миних высказал мысль о возможности обойтись вообще без корабельного флота, одним галерным. Идея чрезвычайно понравилась и Бирону «на том основании, что из полученных таким образом сбережений царица в состоянии будет покрывать внутренние расходы на содержание своего двора, расходы очень значительные». Только благодаря сильнейшему сопротивле-

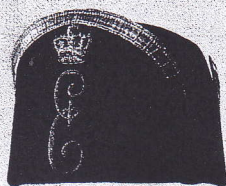
нию родственника царицы сенатора Семена Салтыкова и тогдашнего руководителя Адмиралтейств-коллегии Питера Сиверса этот план был отвергнут. Однако флот в покое не оставили. В 1732 году правительство создало специальную Военную морскую комиссию (ВМК). Главой ее был поставлен Андрей Иванович Остерман; современники не без оснований усматривали в этом тайное стремление честолюбивого вельможи занять в последующем один из высших в «Табели о рангах» пост генерал-адмирала русского флота. Однако было бы ошибкой считать, что основные решения комиссии принимались по инициативе Остермана.

Накануне созыва комиссии были затребованы подробнейшие ведомости о состоянии русского флота и «мнения» флагманов о трудностях и перспективах его развития (к счастью, сохранившиеся в архивах). Проекты последующих решений комиссии уже содержались в записках флагманов.

Для нас интереснее другое: косвенная оценка тогдашним морским руководством результатов флотского строительства при Петре. Она способна немного приоткрыть картину «родовых мук» Балтийского флота.

Вопреки расхожим представлениям о «бионовщине», тогдашние адмиралы не были чужаками, способными бесстрастно взирать на петровское наследие. Кардинального обновления правительственного аппарата не произошло. В аннинское царствование постепенно сходило со сцены поколение руководителей, выпестованное Петром к началу заключительного этапа его реформ, и в ходу был все тот же круг идей, в которых вызревала внутренняя политика последних десяти лет петровского прав-

ления. Не был исключением и флот: средний срок службы в русском флоте девяти флагманов, подавших «мнения», составлял к 1731 году не менее 21,5 года. Именно из их числа и был назначен в дальнейшем весь состав ВМК. Но кругозор флагманов не ограничивался узкими российскими рамками. В большинстве своем это были воспитанники разных

Головной убор придворных
гребцов Екатерины I.
Из коллекции ЦВММ.

Шляпа-треуголка
гардемарина. XVIII в.
Из коллекции ЦВММ.

Петр Великий, осененный
славой. Французская гравюра
XVIII в.

иностранных флотов: адмирал Питер Сиверс — датского; шотландец адмирал Томас Гордон, вице-адмирал Томас Сандерс, контр-адмиралы Мартин Госслер и лорд Дюффус — английского; вице-адмирал Вильстер на шведской службе отметился морской победой над датчанами. И даже русские флагманы — вице-адмирал Наум Акимович Сенявин, прославившийся победой у острова Эзель в 1719 году, и контр-адмирал Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов — в молодости прошли стажировку в датском и английском флотах. Тем большего внимания заслуживают их осторожные критические замечания.

Корабельный флот по петровским штатам должен был состоять из 27 линейных кораблей. На конец 1731 года в списках числилось 50 судов: 36 линейных кораблей, 12 фрегатов и 2 шнявы. На самом деле реально боеспособной была лишь треть штатного состава. Всего Россия могла вывести в море только 13 линейных кораблей: 8 — полностью боеспособных и 5 — в ближнее плавание (но непригодных для боевых действий на Балтике в период осенних штормов). Списочный состав часто обманывает историков, определяющих по нему срок службы корабля, на самом деле догнивавшего на приколе. Кронштадтская гавань к началу 30-х годов XVIII века была полна гниющими судами — тем, что некогда составляло славу петровского флота.

Почему же так случилось? Чтобы разобраться в этом, нужно вспомнить историю создания флота на Балтике.

Его появление было связано со вторым периодом Северной войны (после Полтавы), когда военные действия переместились на Балтийский театр. Строительство кораблей в 1708—1714 годах не позволяет выявить какую-то определенную систему: возводились суда различных рангов, преимущественно низших (50-пушечные). До этого русский флот располагал на Балтике лишь фрегатами, могущими выполнять только дозорные и разведывательные функции. Россия не имела ни оборудованных верфей, ни кадров строителей, ни надежных и безопасных баз, спешно создававшихся только с 1709 года, когда началось строительство Кронштадта. Да и оно диктовалось не столько его удобством как морской гавани (в сильно опресненных мелководных акваториях Кронштадта с большим количеством микроорганизмов быстро гнили корпуса деревянных судов), сколько необходимостью прикрыть Петербург с верфями Адмиралтейства. (Впоследствии Петр I планировал строительство второй базы флота в более удобной и глубокой Рогервикской бухте у самого выхода из Финского залива в Балтику, но это было не по силам истощенной войнами стране.)

Ход боевых действий на Балтике вынуждал форсировать строительство флота, «понеже ныне вся шведская сила, — писал Петр, — в обороне флоту их состоит». Но до 1713 года несколько линейных кораблей низших рангов даже при поддержке фрегатов не могли предпринять сколько-нибудь серьезной флотской операции. Это вынудило Петра провести в 1712—1714 годах закупки 16 кораблей за границей, в основном также 50—60-пушечных. Вынужденным было и строительство в 1713—1715 годах военно-морских судов на архангельской верфи, где было построено семь 52-пушечных «архангелов». Трудно сказать, в какой степени сам Петр планировал использовать Архангельск как морскую верфь: несмотря на наличие опытных кораблестроителей-поморов, строительство военных судов там вскоре было свернуто.

В 1715 году Россия располагала на Балтике уже настоящим флотом из более чем 20 линейных кораблей, преимущественно купленных за границей. Однако до 1718 года на вооружении находился лишь один 70-пушеч-

ный корабль «Леферм», купленный в Англии в 1713 году.

Урок был извлечен: Петр все-таки бросил последние силы на создание оружия, которое должно было покончить с Северной войной. В апреле 1715 года окончательно оформляются контуры второй кораблестроительной программы, нацеленной на создание мощного корабельного флота из 27 линейных кораблей. Она уточнялась впоследствии штатами 14 октября 1715, 3 октября 1717, 1 мая 1718, 11 июля 1720 года, но общее ее стратегическое направление оставалось тем же. По штатам 1720 года более половины флота должны были составлять корабли высшего и среднего рангов (9 кораблей, имеющих свыше 70 пушек, и 12 — 66-пушечных). Так фактически было принято решение строить новый флот.

Несмотря на то что Петр, как обычно, действовал с присущим ему размахом и стремительностью и форсировал работы, первый 70-пушечный корабль «Святой Александр» был спущен на воду только поздней осенью 1717 года и появился на Балтике лишь в следующем году. Но возможно, что информация о планах строительства русских кораблей повлияла на решение шведской стороны о начале в 1718 году мирных переговоров на Аландских островах. И, несомненно, вступление в строй в 1719—1721 годах основного ядра флота из 80—90-пушечных кораблей ускорило окончание Северной войны и привело к заключению Ништадтского мира. Правда, крупных морских побед на Балтике не последовало, но русские сделали хозяевами моря. Их галерный флот получил преимущество в «шхерной войне» и возможность для беспрепятственной высадки десантов на шведском побережье.

...В 1731 году в Кронштадтской гавани основная ударная сила петровского флота бесславно заканчивала свой век. Покоился полузатонувший флагман «Ингерманланд», на котором Петр в 1716 году поднимал свой штандарт, командуя объединенным англо-голландско-датско-русским флотом. Скрипели под осенним ветром старые мачты со свисающими обрывками снастей, резные деревянные скульптуры тихо роняли в мутную серую воду остатки позолоты...

К концу 1731 года полностью боеспособными были в основном суда русской послепетровской постройки, их средний возраст не превышал четырех лет. Из пяти же кораблей, ограниченно боеспособных, только один — «Нарва» — был построен в России в 1725 году. Остальные четыре — суда английской и голландской постройки 1713—1715 годов. И это не случайно. Тот факт, что в строю не было ни одного русского судна, построенного при жизни Петра, говорит только о низком качестве кораблестроения: русские суда были реально боеспособными не более 6—7 лет.

Именно это с тревогой отмечали все флагманы. Строительство 66—90-пушечных кораблей шло в 1715—1722 годах в страшной спешке, особенно в самом начале (в 1717 году одновременно строилось 11 судов). Корабли строились из сырого, невыдержанного и рубленного не вовремя леса. Фактически они начинали гнить уже на стапелях — об этом косвенно свидетельствует во «мнении» вице-адмирал Питер Бредаль, норвежец по национальности, один из героев Гангута, служивший в русском флоте в 1703 году: «...а когда впредь корабли вновь заложены, то дабы оных не больше года на стапелях в строе-нии иметь (яко то прежде сего бывало, что некоторые годы на стапелях стояли, а потом были спущены на воду, то от долгого времени весьма вредно есть)»⁵.

Уместен вопрос: а необходимо ли было строительство такой армады 70—90-пушечных кораблей? Может быть, задача могла быть решена и меньшими силами?

Первый выход русского военного корабля «Крепость» из Азовского моря в Черное с целью доставки в Константинополь русского посольства, направлявшегося в Турцию для ведения переговоров о заключении мира.

Ведь основной противник — Швеция, истощенная войной, — уже не мог позволить себе сильного флота: постепенно старея, шведские корабли сходили со сцены без нужных замен. Но в политике порой действует инерция мышления; не легче судить и Петра-человека, решившего достичь перелома подавляющим превосходством в мощи и количестве. В глазах царя новый флот был одним из путей к заветной мечте — имперскому титулу, означавшему вхождение России в число ведущих европейских держав.

Однако перспективы и будущее этого флота не были оценены в полной мере ни наследниками Петра, ни самим преобразователем. Даже исходя из среднего срока службы корабля русской постройки в 9 лет, для сохранения полностью боеспособным штатного состава флота в 27 судов нужно

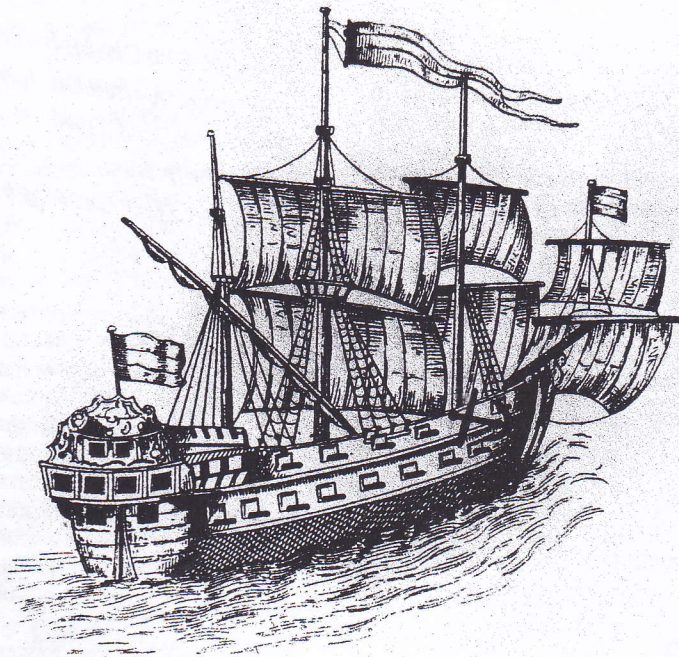
форсированно воссоздавать 70—90-пушечные корабли или идти по другому пути?

К Андреевскому флагу

Не будем забывать, что флот — это не только корабли. «Состояние здоровья» флота петровских времен начинало определяться уже в обыкновенном русском кабаке. Струя «простого» или «двойного белого» вина со звоном била в дно орленой кружки, превращаясь в мелкую серебряную или медную монету, переходящую в руки «кабацкого

сидельца» (флот в основном финансировался из таможенных и кабацких сборов). Заканчивалось все на верфях и военно-морских базах. И в этом огромном организме было немало слабых мест.

Прежде всего — финансы. Почти половина го-

Корабль «Крепость».

было закладывать и спускать со стапелей по 3 корабля ежегодно. Наследники, занятые борьбой за власть, не думали об этом; более того, очевидно, не думал и сам Петр. В

сударственного бюджета России в виде собираемой с населения подушной подати уходила на содержание сухопутной армии. Флотский оклад в 1 млн. 400 тыс. рублей поглощал еще 30 процентов доходов от всех остальных видов сборов. Финансовые проблемы вынудили уже в 1731 году урезать флотский бюджет, пока в 1733 году он не был определен окончательно в 1 млн. 200 тыс. рублей. Однако фактически полного оклада флот не получал никогда. Средняя недоимка флотского оклада за 1725—1730 годы составила 24,1 процента, и компенсировать ее было нечем⁶.

Но финансовая сторона мало интересовала флагманов. Они и не представляли себе, каково состояние российских финансов, поскольку в той или иной мере это всегда было государственной тайной. Значительная часть их высказалась за прекращение строительства многопушечных кораблей по совершенно иным причинам. Причем оба русских флагмана — Дмитриев-Мамонов и Сенявин — были едва ли не самыми активными сторонниками этой идеи⁷.

Основным аргументом явились неудобства использования крупных кораблей в военных операциях на Балтийском море. Россия и с меньшим флотом могла противостоять своему наиболее вероятному противнику — ослабленной Швеции, а в случае враждебной коалиции мор-

1722 году был заложен всего 1 корабль, в 1723-м — столько же (будущий первый стопушечный корабль российского флота «Петр Первый и Второй», построенный по проекту самого Петра и спущенный на воду в 1727 году), в 1724-м — 2, в 1725-м (уже после смерти Петра) — 1. Пять кораблей за четыре года! В целом же в царствование Петра ежегодно строилось 2, 25 судна, закладывалось — 2,35. Таким образом, небоеспособность части флота была запрограммирована уже при Петре. Возможно, и он сам, и наследники просто стали жертвой невольной ошибки: слишком недолго еще существовал русский флот. Впрочем, вполне естественно, что в мирное время интерес к армии и флоту ослабевает, да и некомплект кораблей не был какой-то исключительной особенностью России — в XVIII веке этим грешили практически все европейские флоты. Беда лишь в том, что спохватились поздно.

Таким образом, Военная морская комиссия оказалась перед горькой реальностью: наиболее боеспособное ядро петровского флота из кораблей крупных рангов более не существовало. Перед комиссией встала дилемма:

1701. 14 января

Учреждение в Москве первого в России военно-морского учебного заведения — школы математических и навигацких наук.

жих держав и с более мощным флотом была бессильна дать открытое сражение.

Был еще один фактор, который не часто бросается в глаза историкам. Это нехватка корабельного леса. Ощущалась она необычайно остро, несмотря на то, что от петербургских и архангелогородских причалов ежегодно уходили десятки судов, в изобилии груженных русским лесом и пенькой, без которых не было бы ни английского, ни голландского флота.

Но при изобилии мачтового леса (сосны), парусины и пеньки в России почти не было дуба на корпуса военных судов. Небольшое его количество было в Новгородской губернии, но он был низкого качества и годился лишь на второстепенные детали. Разведанные к тому времени дубовые леса росли в основном на Волге⁹, в связи с чем русская казна несла громадные транспортные расходы. Рубка и провоз леса на 66-пушечный корабль обходились в 14 650 рублей⁹, то есть почти в 1/6 полной стоимости судна.

Поэтому русское правительство уже со времени строительства Азовского флота начало вводить ограничения на рубку лесов, тяготеющих к берегам рек. С 1723 года запрещалась рубка в 50 верстах от больших рек, впадаю-

щих в моря. Адмиралтейство тайно вело небезопасные поиски новых массивов дуба в башкирских землях. Печатные манифесты призывали дворян сажать в приречных имениях «желутками» дубовые леса, соблазняя доходами от будущего использования их Адмиралтейством. Но помещики почему-то упорно отказывались разводить у себя дубовые леса, которые возраст примерно через 300 лет, нужд кораблестроения возраст примерно через 300 лет, то бишь к 2030 году!.. Никакие реформаторские усилия не смогли заменить России того, что сделала в великих морских странах трехсотлетняя традиция. Прекрасно пони-

мавший это Н. А. Сенявин писал: «Ежели же заблаговременно тех больших кораблей не убавится и строением отставлено не будет, то весьма через краткие лета не токмо на те большие корабли принципиальные деревья, но и на меньшие уже того сыскать трудно будет...»¹⁰

Вот по этим-то объективным причинам ВМК и сочла необходимым в 1732 году отказаться от петровской кораблестроительной программы. По ее решению были приняты новые штаты флота, в которых основным рангом становились средние, 66-пушечные корабли. Правда, комиссия не пошла и по пути самых радикальных предложений: флот был сохранен в прежнем

Военная шляпка под парусами.

числе — 27 линейных кораблей, в новых штатах флота были оставлены четыре 80-пушечных корабля, которые с флагманами «Петром I и II» и заложенной в 1732 году 110-пушечной «Императрицей Анной» должны были представлять грозную силу. Кроме того, суммарная оружейная мощь флота (с включением 100-пушечного флагмана) осталась той же, что была у петровского, — 1854 пушки.

Обсуждение вопроса о составе флота в правительственных кругах вызвало к жизни любопытный документ — вероятнее всего, перед нами доклад Сената императрице, сохранившийся в архивах Кабинета министров Анны Иоанновны. Фактически здесь впервые, пусть и не слишком четко, формулировалась военно-морская доктрина России. Она исходила из подчиненной роли флота в обеспечении безопасности страны и преимущественно оборонительных его функций в возможной войне, а также из принципа соответствия силам наиболее вероятного противника, которым в то время была Швеция. «Оборона государственная учреждается не только по силе государственной, но больше и наипаче по пропорции тех опасностей и неприятельских нападений, которые с какой стороны приключиться могут»¹¹ — авторы доклада явно склонялись к сокращению штатов флота.

В сущности, именно этой доктрине продолжала следовать Россия и в дальнейшем. В континентальной державе с колоссальной протяженностью сухопутных и морских границ, отбазированием флота на внутренних замкнутых морях, легко запиравшихся в проливах, такое решение было наиболее целесообразным. Относительно скудные материальные и финансовые возможности России не позволяли иметь одновременно с громадной сухопутной армией мощный флот, ориентированный на наступательные действия. Это доказали и события двух мировых войн, в ходе которых Балтфлот оказался фактически запертым в базах.

Прогноз сенаторов был в общем верен: вплоть до начала русско-турецких войн второй половины столетия (1768) мощный флот России так и не понадобился. Сле-

дующее следование воле Петра привело бы к тому, что за это время три состава флота бесполезно сгнили бы в гаванях. А в случае изменения обстановки ничто не мешало России принять новую кораблестроительную программу, что и было сделано при Екатерине II.

Впрочем, не будем идеализировать царствование Анны Иоанновны. Умеренная кораблестроительная программа так и не была при ней реализована. На то были и объективные причины: русско-турецкая война (1735—1739) отвлекла значительные силы на строительство Донской и Днепровской флотилий; во время чумы, вспыхнувшей там в 1738 году, погибла почти треть их состава и сам командующий черноморскими силами Н. А. Сенявин. И тем не менее в новой русско-шведской войне (1741—1743) Россия смогла вывести на Балтику флот из 14 линейных кораблей.

Гораздо более дальновидным стоит признать другое решение комиссии, принятое по инициативе Сенявина и Питера Бредалья. Они предложили создать вторую базу русского флота — в Архангельске. И по решению ВМК было начато строительство военно-морской верфи в Соломбале.

Сенявин и Бредаль предложили использовать для корпусов линейных кораблей архангельскую лиственницу, уже опробованную на «архангелах». Она оказалась надежным и долговечным материалом. Решение было настолько удачным, что архангельская верфь вскоре превратилась в основную кораблестроительную базу русского флота: до конца XVIII века там было построено свыше двух третей кораблей Балтийского флота. Рассредоточение военного кораблестроения по двум базам сказалось сразу же. Уже в аннинское царствование сроки строительства судов сократились почти вдвое и приблизились к оптимальным: в среднем линейный корабль строился 1,5 года, тогда как в петровское царствование — 2 года 9 месяцев.

И еще одному решению Военной морской комиссии суждена была долгая жизнь: в 1732 году она утвердила в качестве основного символа отечественного морского флота Андреевский флаг.

Примечания.

1. Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч. II. М., 1987. С. 238.
2. ПСЗ-1. Т. VIII. № 6305.
3. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 68—69.
4. Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872.
5. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 737 об.
6. Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 78. Форсированного воссоздания основной части петровского комплекта флота бюджет России 1730-х годов просто не выдержал бы. Ведь даже та сравнительно умеренная кораблестроительная программа, которую затем приняла ВМК, официально оценивалась в 2 млн. 674 тыс. рублей. При этом комиссия исходила из расчета, что строительство одного 66-пушечного корабля обойдется в 47 772 рубля. Однако на практике выяснилось, что затраты на строительство и вооружение такого корабля составят 89 960—103 510 рублей (в зависимости от вооружения корабля чугунными или медными пушками). (Там же. Кн. 1137. Л. 960—961). Именно во столько обходилось годовое содержание трех пехотных полков общей численностью

4200 человек. При строительстве 80—90-пушечных кораблей затраты резко возрастали.

7. Рельефнее всего ее высказал вице-адмирал Томас Сандерс: «Наши корабли надлежит строить бо́льшины против подобных других земель, которые с нами могут воевать, а самых бо́льших кораблей нам строить трудно, понеже лесу для строения бо́льших кораблей в здешнем государстве не очень довольно, и гавень наша не очень глубока, также и море, и фарватер не бес страху кораблям, который глубоко ходит, того ради покорно и при сем предлагаю, чтоб не строить кораблей выше осьмидесяти пушек...» Русские флагманы по тем же соображениям шли еще дальше и предлагали не строить даже 80-пушечных кораблей, впрочем оговариваясь, как Н. А. Сенявин, что «однакож для славы Российского государства один столпушечный корабль всегда содержать надлежит».
8. РГАДА. Ф. 248. Кн. 542. Л. 88, 90. По данным Адмиралтейства, в начале 1730-х годов в Свияжском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии имелось 12 корабельных роц, в которых насчиталось 539 332 дерева.

9. МИФ. Т. VII. С. 305.

10. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1089. Л. 720—720об. Как ни странно, в эпоху, помеченную привычным штампом «бироновщины», сторонником самого радикального сокращения русского флота оказался Сенявин, предложивший не только ликвидировать корабли высших рангов, но и сократить флот до 21 линейного корабля. А вот за увеличение численного состава флота высказались преимущественно иноземные флагманы — Сиверс, Гордон, Сандерс, Вильстер и Бредаль. Причем на наиболее мощном и в количественном, и в качественном отношении составе флота настаивал служивший до лета 1721 года в шведском флоте вице-адмирал Вильстер: флот, по его проекту, не только должен был увеличиться до 31 линейного корабля, но в предложенном им штате не было практически ни одного ранга кораблей, существовавшего до этого в русском флоте. Надо ли говорить, что программа Вильстера ни в техническом, ни в финансовом плане не соответствовала возможностям России?
11. Там же. Кн. 1083. Л. 471.

Николай Петрухинцев,
кандидат исторических наук

«А самых больших кораблей нам строить трудно...»

Не желая оставить Россию «однорукой», Петр Великий к концу Северной войны стремительно наращивал мускулы на постепенно обраставшей прочными сухожилиями ее «морской» руке. Как прекраснейшая из Афродит, выросла из клочковатой холодной балтийской пены, из небытия русский военно-морской флот, затканый белой кипенью парусов, таившей смертоносные жерла пушек. И как всякое чудо, внезапное появление на свет грозной морской силы топило все остальные чувства в восторге и восхищении: до сих пор историки с гордостью отмечают, что к концу царствования Петра русский флот насчитывал более тридцати линейных кораблей — немалая по тем временам мощь! Но, как всегда, чудо рождения с легкостью заставляет забыть о «повивальных муках».

«...Всякий potentat, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».
«Морской устав» Петра I. 1720 год.

К 1730 году, через пять лет после смерти Петра, бое- способность русского флота резко снизилась, а в 1732 году были приняты новые, уменьшенные штаты флота². Зачастую в этом видят лишь неразумие коронованных особ, не сумев- ших бережно распорядиться петровским наследием³. Отчасти это справедливо: занятые борьбой за власть, наследники не всегда обращали внимание на флот, пребывавший, как им казалось, в полном порядке. В 1726 году был заложен всего один 54-пушечный корабль (низший, 4-й ранг линейных кораблей), а с 1727 по 1730 год новых кораблей не закладывалось вовсе⁴.

Сергей Пен. Зимний Кронштадт.